

Посвящается Фреду

Офелия: ...мы знаем, кто мы такие,
но не знаем, чем можем стать.

У. Шекспир «Гамлет»,
акт 4, сцена 5
(перевод М. Лозинского)

ОЗЕРНЫЙ КРАЙ, АНГЛИЯ

1899 год

Холодное влажное утро
21 декабря 1899 года

Прошлой ночью умер Отец, а мы сидим за завтраком так, словно все совершенно нормально.

— А не передашь ли мне масло, дражайшая Агата? — спрашивает кузен Кларенс.

Я смотрела на него некоторое время, потом встала, прошла вдоль обеденного стола и с грохотом водрузила перед ним масленку. Кузен даже не поморщился, а вот его огромный пес зарычал на меня из-под свисавшей скатерти.

— Молодчина, Брут! — ухмыльнулся Кларенс, протягивая ему под стол кусок колбасы.

Я попыталась не обращать внимания на то, с какими ужасающими звуками жрал пес.

Дождавшись, когда я пройду обратный путь вдоль стола и снова сяду, Кларенс добавил:

— А соль?

У двери топтался дворецкий Уилсон. Шаркая, он направился к столу, однако Кларенс жестом отослал его прочь.

— Не стоит беспокоиться, Уилкинс.

— Уилсон, сэр.

— Моей юной кузине нравится быть полезной. Верно, Агата? Тебе ни к чему болтаться тут, Уилкинс.

Уилсон засопел и вышел из комнаты, а я отнесла соль Кларенсу. На лице я изобразила полное безразличие, не пустив на него ни капли яркой ненависти, что поднималась внутри. Я ни за что не доставлю ему подобного удовольствия. Кларенс был таким с того самого момента, как прибыл в поместье Густри две недели назад, игривым и жестоким, словно кот, зажавший в лапах воробышка. Не успел врач провозгласить, что Отец «близок к кончине», как на пороге появился кузен Кларенс со своим слюнявым псом и крокодилей улыбкой. Кларенс — наследник поместья Густри. Он напоминал мне об этом каждый день своего пребывания здесь. А теперь, когда Отец умер, кузен Кларенс стал новым графом Густри.

«Он вовсе не похож на графа», — решила я про себя.

Я наблюдала, как кузен откинул с глаз светлую кудрявую прядь, а затем наколол на вилку колбасу и сунул ее себе в приоткрытый рот. В осанке Кларенса и его манере держаться нет ничего даже отдаленно благородного. Он куда больше напоминал зверя, чем аристократа.

Из-под стола показался Брут; его громадная голова и плечи задели скатерть, и фарфоровая посуда зазвенела. Он отвратителен — сплошной высунутый язык и слюни. Отец всегда говорил, что животные должны

жить на улице, так что из собак я видела лишь овчарок и гончих — и тех, как правило, издалека. Брут неуклюже двинулся ко мне — и я замерла.

— Не волнуйся, малютка кузина, — расплылся в улыбке Кларенс. — Ему нужен лишь твой завтрак.

— И он ему не достанется. — Я засунула в рот последний кусочек намазанной маслом оладьи.

Остановившись, Брут зарычал.

Я зарычала в ответ.

Он ощерился; его скривившаяся губа приподнялась и обнажила ряд острых желтых клыков. Он шагнул вперед, и у меня в животе жалом царапнул страх. Я заставила себя отвести взгляд от жуткого зверя и сосредоточила его на жутком кузене. Я дожевывала холодную оладью. И надеялась, что Кларенсу понятно, как сильно я его ненавижу.

Он посмотрел на меня в ответ, и его рот медленно расплылся в улыбке. Он готовится что-то объявить — это было заметно по самоуверенному выражению на его лице.

— Боюсь, Агата, ты не можешь здесь остаться, — заявил он.

Поначалу мне показалось, что он имеет в виду здесь, за столом, но спустя мгновение я поняла: здесь — значит в поместье Густри. Я отставила свою чашку:

— Я не могу здесь остаться?

Кларенс жадно проглотил колбасу — вся вилка была ею утыкана. Брут вернулся и уселся рядом с хозяином, за что был вознагражден куском кровяной колбасы. Кларенс потрепал висячие уши чудовища.

Но на мой вопрос он не ответил. Он медлил. И наслаждался этим.

— Что это значит, Кларенс, как так я не могу остаться?

Он снова поднял взгляд, по-прежнему улыбаясь.

— Поместье Густри теперь принадлежит мне, Агата. Завтра ты уезжаешь.

«Уезжаю?»

— О чем речь, Кларенс? Это же мой дом. Я думала...

— А как ты считаешь? — Он покрутил вилок в воздухе. — Что мне нужна двенадцатилетняя кузина, которая станет жить тут, словно докучливый питомец?

Брут щелкает своими слюнявыми челюстями: эта должность уже занята.

«Уехать из поместья Густри?»

Я не знала, что сказать. Во мне будто бы что-то разматывалось, некий клубок шерсти. Сначала умер Отец, а потом это... Поместье Густри было моим единственным домом, и можно сосчитать по пальцам рук и ног те разы, когда я покидала его пределы: Мать и Отец редко позволяли это.

Сгорбившись, точно коршун, Кларенс смотрел на меня из-под своих полуопущенных ресниц и широко улыбался — в этом не было никакой доброты, никакого милосердия.

— Мне жаль, что я вынужден объявлять тебе об этом, кузина Агата...

«Он совсем не выглядит так, будто ему жаль».

— Но есть и еще одна дурная весть. — Кузен полез в карман и вынул некий важный на вид документ.

Сургучная печать на нем была сломана. Кларенс принялся нарочито медленно разворачивать бумаги, а я заметила герб семейства Асквит на верхней части первой страницы.

«Завещание Отца — наверняка это оно...»

Кларенс облизнул губы, и они изогнулись в новой улыбке.

— Оказалось, Агата, что граф и графиня в действительности не были тебе настоящими родителями. Разумеется, нам уже известно, что поместье Густри достается мне, как законному наследнику мужского пола, однако эта весть — *эта самая весть*, — означает, что ты, дражайшая моя кузина, официально не получаешь совсем ничего! Ни доверительной собственности, ни ренты, ни единого пенни!

Он ждет от меня ответа, но голос мне отказывает. Горло пересохло и сдавило. Я чувствую, как отдается биение моего сердца в кончиках пальцев.

Он поднял бумагу, чтобы мне было видно — буд-то бы с такого расстояния можно что-то прочитать.

— Для ясности, дорогая Агата, этот документ объявляет об отсутствии родства. Ты никто. — Он расплылся в улыбке. — И завтра ты уезжаешь. Собственно говоря... — Он снова умолк, упиваясь драматизмом момента. — Я устроил так, чтобы из поместья Густри тебя забрал твой настоящий отец.

Мое потрясение настолько велико, что поначалу я просто тупо смотрю на него. Будто бы он выстрелил в меня из пистолета: «БУХ!» Сперва ничего, а потом по телу начинает разливаться боль.

«Мой настоящий отец? Что он такое говорит?»

Кларенс вытер салфеткой испачканное жиром лицо, а затем, поднимаясь, триумфально помахал завещанием и снова сунул его в карман жакета. Потом он хлопнул себя по ноге, подзывая Брута, и они вдвоем с высокомерно-злорадным видом прошествовали вон из комнаты.

Будь я в силах, швырнула бы им вслед серебряной перочницей, но этот порыв застрял где-то внутри, и моя рука осталась без движения. Я сидела за столом наедине с пустыми тарелками, холодным чаем и осознанием того, что я больше не леди Агата Асквит из Густри — да и на самом деле никогда ею не была. Если верить кузену Кларенсу, у меня теперь нет ни дома, ни семьи, ни денег, ни титула...

И завтра меня отдадут совершенно незнакомому человеку.

Оставшуюся часть дня я, ошеломленная и словно одурманенная, в полном смятении собирала вещи.

«Агата, это не на самом деле, — говорил мой разум. — Тут какая-то ошибка. Наверняка что-то произойдет и это прекратится...»

Но часы проскальзывали один за другим, и ничего не происходило, все оставалось как есть, а мои руки продолжали складывать одежду, будто бы подчинились своей нелепой судьбе.

Я собрала в стопку любимые книги — кое-что из Диккенса, Роберта Льюиса Стивенсона, кое-что из сестер Бронте, Полное собрание сочинений Шекспира с узким золотым ляссе, которое было заложено на «Гамлете». Я нашла свою сумочку-нессесер с наполовину законченным вышиванием — гербом Асквитов. Бросила вышивку в огонь, но тут же передумала и выгребла ее из углей, чтобы ее не достало пламя. Я очистила ее щеткой, снова сложила и сунула назад, в нессесер, чтобы забрать с собой.

«Ни к чему сдаваться, Агата, — говорил внутренний голос. — Пусть даже завтра тебе придется покинуть поместье Густри, но это не навсегда. Так не может быть...»

Экономка, мисс Маккарти, помогла мне упаковать книги и одежду в дорожный сундук. Я направилась к большому платяному шкафу и вытащила два своих лучших шелковых платья.

— Только не эти, Агата, голубушка, — мягко произнесла мисс Маккарти. — Его светлость сказал, что самые дорогие платья должны остаться здесь. — Она заметила, как изменилось выражение моего лица. — Ну-ну, мне очень жаль.

— Нельзя забрать даже одно шелковое платье?

Она замялась.

— Ну, чего глаз не видит... Одно, наверное, можно. Я беру синее.

— Конечно, это вам очень идет. Может быть, наденете его завтра?

— Пожалуй.

Мисс Маккарти кладет руку мне на плечо и прижимает меня к себе.

— Ничего не поделаешь, — сказала она. — Чему быть, того не миновать.

Почему она так покорна? Так покладиста? Я сбрасываю ее руку со своего плеча. Мисс Маккарти присматривала за мной с младенческого возраста. Она не просто экономка — она всегда была моим другом, моей защитницей. Но почему же она не защищает меня сейчас? Почему она не сражается за меня?

— Скажите ему! — рявкнула я. — Пойдите и скажите Кларенсу, что это все чушь, что это *мой* дом.

Мисс Маккарти только покачала головой. И промокнула глаза носовым платком.

— Этого не миновать, — снова сказала она. — Все наладится, Агата, голубушка. Все наладится — я обещаю.

«Как она может обещать мне такое?»

После обеда мисс Маккарти велели отправиться к себе и собрать вещи. В коридоре я слышала, как одна из служанок шепнула другой, что Кларенс «меняет всех начисто». Дворецкий Уилсон тоже уволен, вместе с отцовскими камердинером и обоими лакеями. Их повезли на вокзал в Пенрит, а мисс Маккарти должна будет вернуться к своим родственникам в Ирландию. Клубок все продолжал разматываться, а потом просто исчез. Все пропало. От воспоминаний о последних минутах с мисс Маккарти у меня в груди разлилась невыносимая боль: ведь теперь я никогда не сумею вернуться в ее объятия, и как я могла выгнать ее из своей комнаты, словно она всего-навсего посудомойка!

Мои руки тряслись так сильно, что мне было не сложить даже ночную сорочку, которую я держала. Чего я боялась? Да всего! Внезапно я стала бояться всего, потому что абсолютно все в одночасье изменилось.

Опустившись на кровать, я дрожащими пальцами принялась разглаживать расшитое стеганое покрывало. Мое сердце трепетало в груди, словно язычок пламени на ветру. Эта комната всегда была моим собственным гнездышком: закрыв дверь, я могла отгородиться от одиночества. Хотеть побыть в одиночестве — это нечто совершенно иное. Как мне уже удалось понять, если ты сама решила побыть одна, тебя не коснется чужая холодность. Растопив камин, я брала книгу и сворачивалась клубочком в кресле у окна. Я часто вглядывалась в озеро Густри и далекие холмы — вид был все время один и тот же,

а цвета то пламенели, то тускнели в зависимости от сезона; идеальный пейзаж — осталось только вставить в рамку.

Оглядевшись, я прощалась с комнатой, которая, казалось, уже принадлежит кому-то другому. Даже узоры на обоях почему-то стали незнакомыми — летящие гуси, рельефно выступавшие на синем шелке неба.

«Куда они летят? — задумалась я, и боль у меня в груди усилилась. — И куда полечу я?»

Не в силах переносить всю странность происходящего, я вдруг поймала себя на том, что медленно ползу по лестнице, в свою старую детскую на самом верхнем этаже. Ставлю руки на ступень перед собой и карабкаюсь на четвереньках, как делала, когда была совсем еще малышкой. Дерево под моими ладонями шершавое, покрытое пылью и грязью.

Я не была здесь много месяцев. Когда мне исполнилось двенадцать, Мать и Отец решили, что для няни я слишком взрослая, но так и не наняли мне гувернантку. Жутковато как-то — оказаться здесь в полном одиночестве: эхо моего собственного голоса и этот детский чайный сервиз, поставленный для гостей, которые никогда не придут, и пристальные взгляды фарфоровых кукол...

Воздух за тяжелой дверью затхлый и холодный. Словно я шагнула в могилу. У меня за спиной, на лестнице, застучали шаги, и на запыленные половицы упала чья-то тень.

— Пришла попрощаться со своими куколками, да, Агата? — В комнату ввалился Кларенс. — О да, — прелестная детская. Смотри-ка, и чай для меня накрыт. Чудно!

Он взял в руки одну из моих старых кукол. На меня нахлынул приступ ярости и ревности.

— Она моя! — говорю я, быстро подойдя к нему, вырываю куклу и прижимаю ее к груди.

За мной кто-то глухо зарычал, и, развернувшись, я вижу Брута: он оскалился, а по морде, как обычно, течет слюна. Сердце у меня подпрыгнуло: я не слышала, как он вошел. Пес беззвучно приблизился к Кларенсу, и я, не спуская с него глаз, продвигаюсь назад, к лестнице. Мне хотелось побыть здесь в одиночестве всего минутку, но Кларенс и тут вмешался. Он все портит.

— О! Ты только посмотри на этого малого! — воскликнул Кларенс, подходя к моей старой лошадке-качалке и поглаживая ее по шее, покрытой серой краской. — Тебя нужно немного привести в порядок, дружище, но ты хорошо сделан. Да! И ты прекрасно подойдешь для нового поколения Асквитов.

Я вцепляюсь пальцами в дверную раму.

— Для нового поколения, Кларенс?

Он жеманно улыбается.

— Ну, вероятно, не в ближайшие год-два, но, несомненно, вскоре...

Я слегка пошатнулась, воображая, как мерзкий отпрыск Кларенса, забравшись на мою лошадку-качалку, забрызгивает ее своей слюной.

Кларенс закинул туго затянутую в брючину ногу на спинку бедной лошадки и взгромоздился на нее всем своим немалым весом. Старое дерево скрипнуло под ним. Он ухватился за красные поводья и пустился качающимся галопом.

— Я, Кларенс Мэллори Асквит, тридцатый граф Густри, отныне самый богатый и самый завидный

жених во всем графстве Камбрия! И даже во всей Англии, я полагаю! — Он пришпорил качающуюся лошадь и заулюлюкал своей воображаемой охоте: — Ату ее, ату, мои красавцы!

Ко всему этому безумию присоединился и Брут — принялся радостно прыгать и лаять. А потом и отчаянно вынюхивать что-то — будто бы в полутемных углах детской прячутся лисы. Кларенс громко расхохотался:

— Взять след, мальчик мой, взять след!

Я не в силах выносить все это.

— В этом доме траур, Кларенс, — говорю я, повысив голос так, чтобы его было слышно, несмотря на весь гвалт. — Ты должен проявлять уважение.

Кларенс снова загоготал.

— Я граф Густри, Агата, и это мой дом. Я могу делать ВСЕ, ЧТО ХОЧУ!

«Нельзя так просто признавать его победу, Агата!» — зашипел мой внутренний голос.

Я чувствую, что краснею от ярости. Но что тут скажешь? Что сделаешь? Потерпев поражение, я снова поворачиваюсь к темной лестнице. Голос Кларенса преследует меня, несется за мной на нижний этаж:

— Ату, ату!

Еще один пролет, еще два этажа... Звук стихает, а вслед за ним начинает стихать и ярость. Вместо нее приходит нечто иное — более холодное и спокойное чувство, жесткое, как алмаз. Еще один пролет спуская я попадаю в эпицентр бури: вокруг меня носятся ярость, горе, страх и смятение, однако я, в самом центре всего этого, способна мыслить с абсолютной ясностью. Оказавшись на этаже с видом на атриум, я принимаю важное решение.